

УИЛЬЯМ ДРЕЙ

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЯСНЕНИИ ДЕЙСТВИЙ ЛЮДЕЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В течение последних десяти лет философы-аналитики очень много писали относительно природы исторического объяснения. Одно из центральных мест в возникшей дискуссии занял вопрос о том, входят ли в логическую структуру подобных объяснений формулировки соответствующих эмпирических законов, обязательны ли для исторических объяснений указания на законы, и если да, то в какой мере и каким образом. Около пяти лет тому назад в монографии, названной мною «Законы и исторические объяснения», я внес свой вклад в развернувшуюся дискуссию. И если теперь я бы снова хотел сделать несколько дополнительных замечаний по этому вопросу, то меня оправдывает только то, что, судя по выступлениям на философских конференциях и статьям в журналах, дискуссия все еще не потеряла своей остроты¹. К тому же я рад воспользоваться предоставленной мне возможностью проанализировать часть критических замечаний, сделанных в мой адрес, и противопоставить свою точку зрения (которую я все еще отваживаюсь защищать) целому ряду интересных альтернативных взглядов, выдвинутых за последнее время.

Спешу добавить, что в настоящем докладе я не намерен защищать все положения упомянутой монографии. Я займусь только одной, по, как мне представляется, централь-

¹ Например, на годичной конференции Американской философской ассоциации (Восточное отделение) в рождественские каникулы 1961 г. профессор Гемпель сделал доклад о применении его модели к объяснению рационального действия (доклад, который я, к сожалению, не имел возможности просмотреть при написании данной статьи). В это же самое время профессор А. Донаган на собрании Американской ассоциации прогресса науки отвергал применимость гемпелевской модели в таких случаях. Те, кто не присутствовал на этих конференциях, могут познакомиться с данной проблемой по статье профессора М. Мандельбаума «Историческое объяснение: проблема охватывающих законов», опубликованной в январском номере журнала "History and Theory" за 1961 г.

пой проблемой: какие логические характеристики должны быть присущи объяснению поступков индивидуальных исторических деятелей. Выделяя данную проблему, я отнюдь не собираюсь утверждать, что только индивидуальные человеческие действия являются предметом объяснения в строгом смысле этого слова. Более того, я должен согласиться с профессором Мандельбаумом, который считает, что индивидуальные поступки как таковые лежат вне круга интересов настоящего историка и что они включаются в историю только в той мере, в какой они имеют «общественное значение»². Однако даже и те, кто захотел бы настаивать на том, что в основу исторического исследования должно быть положено изучение какой-то элементарной социальной единицы, а не изучение отдельной личности, вряд ли могли бы отрицать, что объяснение поведения наций, характера социальных институтов и исторических движений, как правило, включает в себя и объяснение поведения отдельных мужчин и женщин. Характерной чертой исторического исследования оказывается объяснение социальных явлений частями. Мы не хотели бы здесь поднимать общий вопрос о точной форме логической зависимости, имеющей место между высказываниями о социальных событиях и высказываниями о поступках отдельных людей. Поэтому в нашем дальнейшем изложении мы будем просто исходить из предположения, что, анализируя объяснения этих поступков в исторической науке, мы тем самым рассматриваем некоторый важный аспект теории «исторического объяснения вообще», полностью отдавая себе отчет в том, что наш анализ не может привести к полному решению этой более широкой проблемы.

Мы будем придерживаться следующего порядка изложения: в разделе I воспроизведем ту теорию исторического объяснения, которая заняла центральное положение в дискуссии, развернувшейся по этой проблеме,— теорию, которую, как и прежде, я буду называть неуклюжим и несколько сбивающим с толку термином «теория охватывающих законов»³. Затем я противопоставлю ей свои

² M. Mandelbaum. The Problem of Historical Knowledge. New York, 1938, p. 9.

³ Данный термин может ввести в заблуждение, так как он внушает ошибочное представление, будто в историческом объяснении

собственные взгляды по вопросу типических исторических объяснений действий. В разделах II и III я рассмотрю некоторые возражения, вызванные моей точкой зрения, и проанализирую, по необходимости кратко, шесть альтернативных позиций, занятых моими оппонентами, ни одна из которых не кажется мне полностью приемлемой. И наконец, в разделе IV, для того чтобы еще более четко выявить характер возникших разногласий, я постараюсь установить связь между позицией, занятой мною в данном вопросе, и более широким кругом философских проблем.

I

С классической формулировкой теории охватывающих законов мы сталкиваемся в статье профессора Гемпеля «Роль общих законов в исторической науке»⁴. Главным тезисом этой статьи является утверждение, согласно которому объяснить какое-нибудь событие означает показать, что высказывание о данном событии логически выводится из: (1) некоторых высказываний о предшествующих или сопутствующих условиях и (2) некоторых эмпирически проверяемых общих законов и теорий. Если же *экспланандум* (объясняемое.—*Ю. А.*) не будет следовать логическим образом из того, что предложено в качестве его *экспланантов* [объясняющие положения.—*Ю. А.*], то, согласно Гемпелю, данное объяснение является по меньшей мере неполным, не более чем первым приближением к действительному объяснению. Это описание логической структуры объяснения рассматривается Гемпелем как универсальное, приложимое ко всем наукам, безотносительно к их предметам, и, следовательно, приложимое также и к объяснению в исторической науке. Таким образом, по Гемпелю, объяснение, по-видимо-

используется только один закон, связывающий экспланандум с экспланандумом. Здесь не разграничиваются (как делает профессор Донаган) два требования к историческому объяснению, а именно, требование, чтобы оно носило дедуктивный характер, и требование, чтобы оно основывалось на универсальном законе. Каждое из этих требований может удовлетворяться независимо друг от друга.

⁴ Theories of History. Ed. P. Gardiner, New York, 1959, p. 344—356.

му, сводится к логическому выведению того, что подлежит объяснению, из чего-то другого в соответствии с универсальными «охватывающими» законами.

Человек, принимающий точку зрения профессора Гемпеля относительно универсального характера данной теории объяснения, не стал бы возражать против мнения, что большинство объяснений, предлагаемых в исторических исследованиях, не удовлетворяют требованиям этой теории. Однако отсюда он сделал бы вывод не о том, что модель объяснения с помощью охватывающих законов не может считаться универсальной, а вывод о логических слабостях в принятой практике объяснений в исторической науке. Другие философы считают, что такое расхождение между логической теорией и исторической практикой является следствием недопустимого «априоризма», проявляемого сторонниками теории профессора Гемпеля, и что в таком «живом деле», как история, задачей философа не может быть *навязывание* определенной теории объяснения. Эта задача, скорее, состоит в том, чтобы вывести данную теорию из реальной практики объяснений, повсеместно принятой в этой науке. Если же историческая практика не соответствует теории охватывающих законов, то тем хуже для этой теории.

Нам представляется, что обе эти точки зрения по-своему правы. Что касается меня, то я бы не стал ограничивать задачу философа простым *описанием* того, что делается в практике исторических исследований. Его деятельность, как правильно подчеркивают профессора А. Данто и Дж. Питт, заключается в прояснении, а не в дублировании; от философа мы ожидаем скорее рациональной перестройки практики, чем ее копирования⁵. С другой стороны, тот факт, что практика очень сильно и упорно отклоняется от логической теории, свидетельствует по меньшей мере о том, что с теорией не все обстоит благополучно. В этом случае возникает настоящий вопрос, почему существует такой разрыв между формулой и тем, что она призвана объяснить. В своем докладе я намерен показать, что данный разрыв обусловлен тем, что обычное понимание историками задач объяснения

⁵ A. Danto. Review, Ethics. July 1958, p. 299. J. H. Pitt. Generalization in Historical Explanation.—"Journal of Philosophy", 1959, p. 579—580.

принципиально отличается от логического выведения поступка некоторого лица из определенных условий в соответствии с законами, имеющими эмпирический характер. Нам представляется, что теории охватывающих законов недостает должной восприимчивости к тому *понятию* объяснения, которым обычно пользуются историки. «Рациональная перестройка» действительно имеет право отклоняться от принятой практики. Однако при этом необходимо тщательно следить за тем, чтобы такие отклонения не были вызваны неоправданной перестройкой.

Позвольте теперь нам кратко наметить то, что мы считаем логической основой большинства объяснений человеческих поступков в исторической науке. Задача объяснения — разрешение какого-то затруднения. Когда историк приступает к объяснению некоторого действия, он обычно сталкивается с целым рядом трудностей, так как он не знает мотивов, лежащих в его основе. Поэтому, для того чтобы понять это действие, он стремится получить какую-то информацию о том, как данный исторический деятель оценивал свое объективное положение (причем сюда входит и оценка им вероятных последствий различных линий поведения, открытых для него), равно как и информацию о том, чего он намеревался достичь, предпринимая то или иное действие, то есть сведения о его целях, планах или мотивах. Понимание действия возникает у историка только тогда, когда он устанавливает разумность поступков данного человека в свете его собственных представлений и планов. Нам хотелось бы подчеркнуть, что при подобном подходе к объяснению имеется прямая связь между пониманием поступка человека и осознанием его рациональности. Как однажды заметил профессор Хук, показать необычность некоторого действия —⁶ не то же самое, что показать его бессмысленность⁶. Аналогичным образом показать, что действие совершается в соответствии с определенным порядком, — не то же самое, что показать его осмысленность.

Объяснение, которое стремится установить связь между убеждениями, мотивами и поступками описанного выше рода, я буду называть «рациональным объяснением». Этот тип объяснения особенно ясно может быть проиллю-

⁶ S. Hook. A Pragmatic Critique of the Historico-Genetic Method. Essays in Honor of John Dewey, New York, 1929, p. 163—171.

стрирован на следующем примере. (Я надеюсь, что в связи с его особой наглядностью мне извинят то, что я уже однажды пользовался им в тех же самых целях.)

Пытаясь объяснить успех вторжения Вильгельма Оранского в Англию, Тревелиян задает себе вопрос, почему Людовик XIV ослабил военное давление на Голландию, и считает эту акцию «величайшей ошибкой жизни Людовика»⁷. Поведение Людовика он объясняет следующим образом: «Людовик рассчитывал, что если даже Вильгельму и удастся высадиться в Англии, то там возникнет гражданская война и длительные беспорядки, как всегда бывает на этом острове раскольников. В это время он бы спокойно завоевал всю Европу». Далее, «он был рад тому, что голландцы уходят с его пути (в Англию), в то время как он наносил удар по императору Леопольду (в Германии)». Он считал, «что конфликт между Джемсом и Вильгельмом обязательно создаст для него какие-то возможности». Итак, согласно Тревелияну, выявление нами некоторого «расчета» Людовика, «отнюдь не выглядящего таким абсурдным в момент событий, каким он кажется после них», делают его действия вполне понятными для нас. И в самом деле, этот расчет показывает, что действия Людовика были целесообразными в свете обстоятельств, рассматриваемых им в качестве доводов для своих решений. В действительности же, конечно, король просчитался, и в некотором смысле его действия не соответствовали фактическим обстоятельствам. Тем не менее основная цель объяснения Тревелияна состоит в доказательстве тезиса, что в свете целей и представлений Людовика XIV о действительности данный поступок был правильным, по крайней мере с точки зрения условий, взятых такими, какими они казались в то время.

Мы считаем, что в объяснениях только что приведенного типа установление дедуктивной логической связи между *экспланантами* и *экспланандумом*, связи, основывающейся па включении соответствующих эмпирических законов в число первых, не является ни необходимым, ни достаточным условием объяснения. Оно не необходимо, потому что в задаче подобных объяснений совсем не вхо-

⁷ G. M. Trevelyan. The English Revolution. London, 1938, p. 105—106.

дит доказательство того, что наш исторический деятель относится к числу людей, которые всегда поступают так, как поступил он в обстоятельствах, в которых он считал себя находящимся. Задача данного объяснения — показать, что его поступок был вполне разумным, с его собственной точки зрения. Установление вышеупомянутой логической связи не было бы и достаточным условием объяснения, так как оно не показало бы, что в свете всех остальных убеждений и целей данного деятеля его действия были вполне разумны.

К этому я бы еще прибавил — для того чтобы избежать возможных недоразумений, — что спор относительно того, какую из двух «моделей» объяснения (модель охватывающих законов или модель рационального объяснения) следует применять в подобных случаях, не имеет ничего общего с вопросом о том, на чем должно строиться историческое объяснение: на «идеях» ли людей или на «объективных» условиях их природного и социального окружения. Профессор Гемпель в отличие от некоторых исторических материалистов охотно согласился бы, что объяснение действия включает в себя, по крайней мере в качестве одного из своих моментов, постоянные ссылки на мотивы и идеи его участников. В равной мере, я полагаю, он согласился бы и с тем, что, объясняя действие как таковое, а не, скажем, его успех или неудачу, мы должны обращаться не к реальным условиям, в которых происходило это действие, а к условиям, *рассматриваемым* его участниками как реальные. За вычетом этих обстоятельств, однако, объяснение действий людей, с точки зрения профессора Гемпеля, «ничем существенно не отличается от причинных объяснений в физике или химии»⁸. Ибо «определяющие мотивы и идеи действия, — утверждает он, — должны рассматриваться в мотивационных объяснениях как условия, предшествующие действию, и в этом отношении не существует никаких различий в логических формах причинного и мотивационного объяснений». В свете того, что уже было сказано о невыводимости *экспланандума* в объяснениях последнего рода, должно стать совершенно ясным, что мы критикуем Гем-

C. G. Hempel and P. Oppenheim. The Logic of Explanation. В КН.: H. Feigl and M. Brodbeck. Readings in the Philosophy of Science. New York, 1953, p. 327—328.

пеля за то, что он дает ошибочную характеристику логической формы рациональных объяснений, а не их содержания.

II

Та схема рационального объяснения, которую я только что изложил, вызвала целый ряд возражений. Известные нам возражения могут быть разделены для удобства их рассмотрения на четыре группы. Первая из них, пожалуй наименее серьезная, утверждает, что требование выявить расчеты и планы исторических деятелей чрезвычайно сужает возможную сферу применения подобных объяснений. Ибо, как возражает мне профессор Новелл-Смит, если бы мы обнаружили, что наш исторический деятель не производил никакого серьезного расчета своего поступка,⁹ то тем самым наше объяснение было бы опровергнуто. Он, по-видимому, предполагает, что очень немногие люди ведут себя совершенно сознательно, интеллектуально.

Я, конечно, согласен с тем, что в истории отыщется немало действий, для которых нельзя будет указать расчета, лежащего в их основе, и затруднения, в которые мы попадем, обнаруживая такие действия, безусловно, свидетельствуют об ограниченности области применения рациональных объяснений. Точно так же я не собираюсь априорно сбрасывать со счета возможность того, что некоторые из этих действий могут быть объяснены каким-то иным способом. Однако нам представляется, что это возражение основывается на том, что в данном контексте само слово «расчет» оказывается несколько затемняющим смысл нашей схемы мотивационного объяснения. Все дело в том, что рациональное понимание некоторого поступка отнюдь не обусловлено тем, что человек, совершивший его, предварительно взвешивал и перебирал в своем сознании ряд аргументов. Наше понимание его действий может возникнуть и без допущения подобной предпосылки психологического характера на основе того, что мы обнаружим рациональную связь между этими действиями и теми мотивами и идеями, которые мы ему приписываем.

⁹ P. H. Nowell-Smith. Review. — "Philosophy", April 1959, p. 170—172.

В нашей теории исторического объяснения мы, скорее, стремились показать, что понимание поступка складывается только при приведении психологических ингредиентов, связанных с ним, в форму некоторого практического расчета. Философа как философа интересует только характер *логических* отношений, существующих между *экспланантами* и *экспланандумом*. При таком непсихологическом подходе сфера применимости рациональных объяснений будет весьма обширной. И мы склонны считать, что большинство объяснений, даваемых в повествовательной истории, относится к их числу.

Второе возражение против нашей теории, напротив, состоит в том, что область применимости этих якобы рациональных объяснений будет чрезмерно широкой. Отсюда использование их в практике исторического исследования привело бы историка к тривиальным выводам и, может быть, даже оказалось* бы опасным. Ибо понимание поступка способом, описанным нами, было бы неотличимо от того, что мы именуем «ретроспективной рационализацией». «Мы все хорошо знаем,— отмечает проф. Пэсмор,— как неискренни объяснения нашего поведения, которые мы даем другим людям»¹⁰. Дело обстоит так, «как если бы мы, скорее, изобретали их для того, чтобы удовлетворить наших слушателей, чем действительно объяснить наши действия». Аналогичным образом и историк «будет склонен делать наше поведение более принципиальным, чем оно есть на самом деле».

И в данном случае я бы не хотел отрицать опасность, указываемую критиками. Однако я склонен рассматривать ее как некоторую особую трудность, возникающую при любой попытке найти причины поступков — как одну из возможностей ошибок при рациональном объяснении,— но не как опасность, исключаящую самое возможность рационального объяснения как такового. В конечном счете утверждение: «выявление рациональности поступка — принятый историками критерий его понимания» представляет собой не более чем требование логики данных понятий. Его принятие совсем не означает, что во всех тех случаях, когда мы полагаем, что знаем мотивы поступков некоторого лица, мы и *в самом деле* знаем

¹⁰ J. Passmore. Review Article. "Law and Explanation in History". — "Australian Journal of Politics and History", 4, 1958.

эти мотивы. Фактически этим положением утверждается концептуальная связь между пониманием действия и восприятием его рациональности, и эта связь может быть обеспечена только при правильной логической *форме* объяснения. Правильность же формы, само собой разумеется, не гарантирует нам истинности его содержания. Здесь дело обстоит точно таким же образом, как и в объяснениях с помощью охватывающих законов. Ибо в последнем случае мы должны были бы знать всеобщие законы. Но можем ли мы быть уверенными в том, что мы действительно располагаем знанием этих законов, в особенности в истории, где в отличие от тесно увязанных и теоретически обоснованных законов физики они представляли бы собою простое обобщение опыта?

Третье возражение более серьезно, по тем не менее я думаю, что и его можно устранить. Как указывает один из наших критиков, понимание действия, согласно нашей теории, обусловлено выявлением мотивов поступков исторического деятеля. Но последнее, продолжает Страусон, не сводится к простому восприятию *рациональности* некоторого действия, а включает *одобрение* нами расчетов этого деятеля, признание их *правильности*. Поэтому в связи с нашим требованием «удостовериться» в мотивах поступка, он пишет, что «строгое его выполнение сделало бы историческую науку невозможной»¹¹.

Бесспорно, ограничение, введенное нами в нашу теорию рационального объяснения, согласно которому мотивы должны рассматриваться с «точки зрения самого деятеля», равно как и то, что правильность его действия должна определяться по отношению к его *собственному* пониманию обстановки, в какой-то мере идет навстречу пожеланию моих критиков и облегчает оценку рациональности поступка. Однако считается, что этого далеко не достаточно. Ибо, напоминает Страусон, существуют «большие различия в уме, темпераменте, способностях и характере людей», в их идеях и целях. И поступок может не удовлетворять требованию строгой рациональности в связи с ошибочным *суждением* или же ошибочной *информацией*.

Все это отчасти справедливо. Но я не считаю, что эта критика опровергает защищаемую мной точку зрения.

¹¹ P. F. Strawson. Review.—"Mind", April 1959, p. 268.

Разумеется, невозможно установить рациональность логически ошибочного рассуждения или же ошибок в проведении принятого решения. Но так как и то, и другое иногда может быть объяснено, то отсюда следует, что выдвинутый нами критерий понимания поступка не является единственным даже в истории. И мы отнюдь не утверждаем его единственности. Мы хотим только сказать, что критерий рациональности имеет силу при объяснении действий, которые не считаются дефективными в целом ряде отношений, и что иногда его применение вполне правомерно. В случае же применения этого критерия мы не можем не рассматривать расчеты данного деятеля как правильные, как оправдывающие совершенный им поступок. Именно это и *подразумевается* в таких выражениях, как «следуя его логике» или «в свете его оценки обстановки». Нам кажется, что спорные теории «понимающей историографии» черпают свою силу как раз из признания возможности следовать за логикой чужой мысли. Имеется значительная доля истины в утверждении, что понимание поступка предполагает возможность «вновь продумать» мысли исторического деятеля. Но нельзя было бы воспроизводить, сопереживать логику практического расчета, о котором заранее известно, что он является ошибочным.

Критики, выдвигающие четвертое возражение, согласны с тем, что понимание действия может быть достигнуто только при выявлении мотивов исторического деятеля. Однако при этом отрицается возможность обойтись без охватывающих законов, так как утверждение о связи его поступков с данными мотивами, согласно их точке зрения, может быть сделано только на основе признания истинности некоторого охватывающего закона.

Итак, раз мы поняли, что историку необходимо выявить *действительные* расчеты деятеля, а не просто расчеты, которые были бы логически *правильными* в данной обстановке, то можно было бы утверждать, что достаточное в логическом отношении объяснение должно включать в свой состав и некоторое обобщение, связывающее расчеты обоих видов с фактическим поведением человека. Или же, как Новелл-Смит сформулировал это возражение, если мы доказываем, что данное лицо поступило известным образом, потому что оно проделало определенный рациональный расчет, то наше доказательство должно включать в себя также и общую посылку, устанавливаю-

шую, как ведут себя такие люди при подобных расчетах¹². Таким образом, если в соответствии с теорией рационального объяснения действительные мотивы поступка должны быть одновременно и логически *удовлетворительными*, для того чтобы обладать определенной объясняющей силой, то в связи с этим можно было бы выдвинуть и *дополнительное* требование, согласно которому логически правильные, действительные мотивы поведения должны связываться с объясняемым действием при помощи охватывающих законов, имеющих эмпирический характер.

Прежде всего мне не кажется, что, когда я говорю: «Он поступил так-то и так-то, потому что он думал так-то и так-то», использование мною логического выражения «потому что» требует от меня принятия теории охватывающих законов, равно как я не могу согласиться и с тем, что эти законы должны быть включены в мое доказательство. Особенно невероятным данное требование представляется в случае, когда вышеприведенное высказывание относится к объяснению моих собственных поступков. Ибо и при объяснении своих действий я строго разграничиваю подыскание мотивов, оправдывающих их, и выявление действительных мотивов своего поведения. Однако, осуществляя последнее, я никак не прибегаю к общему положению, согласно которому все люди, подобные мне, или даже я сам, в аналогичных случаях действуют так, как действовал я, основываясь на удовлетворительных с логической точки зрения и на действительных вместе с тем мотивах. Если бы кто-то захотел подкрепить данное возражение, утверждая, что я по своей природе могу действовать *произвольно*, то есть в противоречии с теми мотивами, которые я сам признал хорошими, то это привело бы к обратному эффекту: невозможное для меня я считаю невозможным и для других людей.

Точное значение возражения Новелла-Смита становится вообще неясным в свете нескольких дополнительных замечаний, которые он делает. Так, по-видимому, он допускает, что в некотором смысле мы *действительно* объясняем действие, если мы показываем, что сделанное данным лицом «было рационально для человека, находящегося в его положении». Но, продолжает он, это не объясняет, *почему он совершил рациональный поступок*, почему

¹² Ibid. (По-видимому, ошибка. См. P. H. Nowell-Smith. Op. cit.)

он действовал на основании правильного расчета. Для того чтобы ответить на последний вопрос, мы, по Новеллу-Смиту, должны были бы прибегнуть к таким банальностям, как, например, «рациональные люди, которые разработали планы своих действий, соответствующие обстановке, стремятся их придерживаться, если только обстоятельства позволяют им это делать», и,— продолжает он,— как раз «объяснения в этом смысле анализируются теорией охватывающего закона». Я должен признать, что я не понимаю, почему Новелл-Смит, проводя все эти разграничения, не согласен со мной. Ибо проведенное таким образом разграничение между объяснением того, почему некоторое лицо совершило определенный поступок, и объяснением факта рациональности его поведения вообще безусловно предполагает, что рациональное объяснение, не обращаясь к банальностям вышеуказанного типа, может быть *совершенно законченным само по себе или на своем собственном уровне*. И ничто, сказанное мною, не требует, чтобы мы исключали возможность объяснения (на втором уровне) способности человека поступать рационально. Мы могли бы, например, объяснить наблюдаемую нами нынешнюю рациональность поведения какого-то человека тем, что он прошел успешный курс судорожной терапии с того момента, когда мы его видели последний раз. Конечно, в объяснениях такого рода, в тех случаях, когда они возможны, мы все еще могли бы питать обоснованные сомнения относительно того, дают ли они нечто большее, чем необходимое (а не достаточное) условие рациональности поведения. Но это спорный вопрос, и он находится вне рамок настоящего доклада. Во всяком случае, подобные объяснения редко требуются в исторической науке.

Я мог бы добавить, что мой другой оппонент, профессор Дж. Коген, выдвигает в этой связи довольно сильное возражение, цитируя мое же собственное утверждение, в соответствии с которым в исторической науке в качестве «постоянной презумпции» присутствует «общее убеждение, что люди поступают, исходя из достаточных оснований»¹³. С его точки зрения, то обстоятельство, что данная презумпция может рассматриваться как тривиальная, не

¹³ J. Cohen. Review, Philosophical Quarterly. April 1960, p. 190, 191.

имеет существенного значения. Вопрос заключается в том, *необходима ли она логически* для объяснения, названного нами выше объяснением первого порядка, то есть для объяснения таких действий, которые предпринимаются исходя из действительных и правильных в логическом отношении расчетов. На это я могу только ответить, что мое утверждение презумпции рациональности было излишне резким. Правда, я говорил именно о «презумпции» и хотел при этом подчеркнуть только то, что историки прежде всего ищут рациональных, а не нерациональных объяснений. Однако в этой связи важно отметить, что никакая «презумпция» подобного рода не исключает неопределенного и переменного числа случаев нерационального поведения. В исторической науке в отличие, может быть, от физики не принято считать, что в принципе все может быть объяснено. Таким образом, любая «презумпция рациональности» оказывается логически совершенно отличной от того, что методологи и логики понимают под охватывающим законом.

III

Многие философы, не принимая моей точки зрения на природу рационального объяснения, тем не менее считают, что в логической модели объяснения, в том ее виде, в каком она первоначально была сформулирована Гемпелем, есть нечто ошибочное и она не может служить для выявления логической структуры объяснения в исторической науке. Обычно к этому заключению их приводит одна трудность, связанная с данной моделью, которую И. Берлин выражает следующим образом¹⁴. Если мы требуем от исторического объяснения, чтобы оно включало в свой состав какой-то закон, который придавал бы ему дедуктивную логическую форму, то под этим законом, как правило, понимается некоторое эмпирическое обобщение, имеющее высокую вероятность. Именно обобщение такого рода, включенное в состав предлагаемого объяснения, удовлетворило бы требованиям этой модели. Но индуктивное основание, которое мы могли бы привести для по-

¹⁴ I. Berlin. History and Theory: The Concept of Scientific History. — "History and Theory", I, 1 (1960), p. 19.

добных законов, зачастую оказывается не очень сильным. И, что еще более важно, эти основания, как правило, значительно менее сильны, чем наша уверенность в истинности приводимого объяснения. Все это ставит нас перед парадоксом: в соответствии с теорией охватывающих законов достоверное объяснение должно дедуцироваться из законов, которые сами по себе оказываются спорными.

В свете этого парадокса и вопреки якобы априорной очевидности модели объяснения с помощью охватывающих законов было предпринято много попыток видоизменить эту модель и вместе с тем сохранить ее основную идею. В частности, было высказано предположение, что достоверность историческому объяснению может придать и менее сильное утверждение, чем закон, понимаемый в смысле «универсального условного высказывания» [высказывание, имеющее форму: если x , то всегда y . — Ю. А.]. В настоящем разделе доклада я намерен рассмотреть шесть различных предложенных способов реализовать эту идею, то есть идею ослабления законов и вместе с тем сохранения их места в структуре исторического объяснения. Это целесообразно сделать, так как наши критики могли бы заметить, что именно с этими модифицированными версиями теории охватывающих законов, а не с их строгим оригиналом должна была бы сопоставляться «рациональная модель» объяснения действий. Мы не намерены здесь исследовать детально ни одну из предложенных альтернатив и ограничимся несколькими замечаниями по отношению к каждой из них. При этом мы надеемся, что сказанного, во всяком случае, будет вполне достаточно для того, чтобы можно было плодотворно продолжить дискуссию.

Первую точку зрения я буду связывать с именами П. Гардинера и И. Берлина (хотя их позиция в данном вопросе не сводится только к ней). Оба автора связывают затруднения, возникающие при дедуктивном построении объяснения в строго гемпелевском смысле, с тем фактом, что язык исторической науки не является техническим специализированным языком современной физики или психологии, а представляет собою обычный, хотя и окультуренный язык. Они не считают данное обстоятельство слабостью исторической науки, ибо, как они утверждают, это — *требование* самой науки, которое должно выполняться, если хотят, чтобы ее понимали. Однако понятия

повседневного языка расплывчаты и неопределенны, и эти черты передаются общим законам, сформулированным с их помощью. Такие слова, как «революция», «завоевание», указывает Гарднер, не имеют точно определенных правил своего применения, и более того, их значение может меняться с течением времени¹⁵. Аналогичным образом и Берлин, соглашаясь с мнением, что все объяснения в истории должны включать в свой состав обобщения, отмечает вместе с тем, что «только очень немногие из них настолько ясны, недвусмысленны и точно определены, что их можно организовать в некоторую формальную логическую структуру, обнаруживающую взаимосвязь или же несовместимость ее отдельных элементов»¹⁶.

Берлин обращает внимание и еще на один дополнительный фактор, делающий невозможным применение модели охватывающих законов в ее строгой форме. Им оказывается то обстоятельство, что повседневный язык не только лишен логической определенности, но и имеет не-исправимо *оценочный* характер. Говоря о человеческих колебаниях, которые мы испытываем, решая вопрос, следует ли в данном контексте употребить некоторое понятие, могут быть связаны не только с неопределенностью его значения, но и с возможным различием оценок. Некоторые из философов истории — Хайек, Страусе и П. Винч идут дальше в этом направлении и утверждают, что само понятие исторического или социального факта, взятое в его обычном смысле, оказывается квазиоценочным¹⁷. Отсюда любые законы, использующие понятия этого типа, в свою очередь оказались бы оценочными.

Мне не кажется, что обстоятельства, отмеченные Берлином и Гардинером, если даже и все, что они говорят, справедливо, представляют собой непреодолимые препятствия для «рациональной перестройки» принятой практики объяснения в соответствии с требованиями теории охватывающих законов. Нет ничего удивительного в том,

¹⁵ P. Gardiner. The Nature of Historical Explanation. Oxford, 1952, p. 53, 60—61.

¹⁶ I. Berlin. Historical Inevitability. London and New York, 1953, p. 54.

¹⁷ См.: F. A. Hayek. The Counter-Revolution of Science. Glencoe, Ill., 1952; L. Strauss. Natural Right and History. Chicago, 1953; P. Winch. The Idea of a Social Science. London, 1958.

что если историк пользуется при объяснении языком столь же неопределенным, как и законы, то расплывчатость этого языка будет влиять на качество объяснения. Странным, однако, оказывается другое — желание представить хорошее объяснение основывающимся на плохих законах. Доказывать же, что только неопределенные и оценочные законы используются в неопределенном и оценочном исследовании, значило бы принять логическую модель охватывающих законов как реальный идеал объяснения. И это все, по-видимому, к чему стремятся гемпелеанцы, хотя они могут и сожалеть, что историк вынужден говорить с широкой аудиторией на ее языке, вместо того чтобы давать вполне адекватные объяснения.

Вторая и более радикальная попытка разрешить указанную трудность основывается не на языке, а на предмете истории. Считается, что либо сам предмет, либо же состояние наших знаний в этой области таковы, что очень редко удастся, если вообще удастся, открыть достоверные всеобщие законы. Поэтому если мы все-таки хотим дать объяснение события, то нам не остается ничего другого, как отказаться от строго дедуктивных принципов построения данного объяснения. Прямолинейная версия этой теории утверждает, что объяснение можно давать, используя *статистические* законы; мы, конечно, не можем с логической необходимостью дедуцировать в нашем объяснении возникновение какого-нибудь конкретного события или действия, но мы можем по крайней мере показать его вероятность. Тем самым мы могли бы притязать на *индуктивное* объяснение данного события. Модель объяснения с помощью охватывающих законов, модифицированная таким образом, могла бы применяться во всех тех случаях исторических объяснений, для которых можно найти вероятностные общие утверждения, включающие характеристики вида «обычно», «в большинстве случаев». Ибо статистический закон — это просто положение общего характера, утверждающее связь не *всех* случаев, описываемых *экспланантами* и *экспланандумом*, но некоторой их *части*. И закон такого рода мог бы быть, конечно, и неопределенным, и точным, утверждая соответственно, что большинство или же строго определенный процент этих случаев связывается подобным образом. Видоизменение модели охватывающих законов в таком плане было предложено самим Гемпелем уже в ранних его работах по это-

му вопросу; в последнее время оно усиленно защищалось профессором Н. Решером¹⁸.

Изменения первоначального характера модели, связанные с отказом от универсальных и переходом к статистическим законам, представляются нам весьма значительными и существенно меняющими сам смысл понятия исторического объяснения. Так как здесь речь, по-видимому, идет не о том, что таким образом мы получаем *неполные* объяснения или же некоторые *подступы* к объяснению (все это не выходило бы за пределы гемпелевской теории «эскиза» объяснения). Здесь, скорее, утверждается, что событие может быть *полностью* объяснено (хотя, может быть, и в другом смысле) и без подведения его под всеобщий закон, который позволял бы его дедуцировать с логической необходимостью, и, следовательно, без доказательства необходимости его возникновения. В этой связи можно было бы поставить вопрос, представляет ли собою этот отказ от того, что казалось самоочевидным в логической модели объяснения с помощью охватывающих законов, нечто большее, чем простое соглашение о новом значении термина «объяснение». Можно также было бы спросить, насколько приемлемой будет эта уступка для тех, кто был увлечен первоначальной логической элегантностью теории охватывающих законов. Нам кажется, что профессор Скрайвен выражает точку зрения именно этой группы, возражая против статистического «разброса» конкретных событий в объяснениях подобного типа¹⁹. Сила дедуктивного варианта этой модели, отмечает он, заключалась в том, что она сосредоточивала внимание как раз на событии, которое подлежало объяснению. Статистические же законы совместимы как с возникновением, так и с невозникновением того события, которое они должны были бы объяснить: «они теряют связь с индивидуальным случаем».

Заслуживает внимания в этой связи то обстоятельство, что *рациональное* объяснение, несмотря на свою недедуктивность в гемпелевском смысле этого слова, скорее удовлетворяет требованию Скрайвена относительно связи с ин-

¹⁸ C. G. Hempel. The Function of General Laws in History. В кн.: Theories of History. New York, 1959; N. Rescher. The Logic of Explanation, там же, p. 360.

¹⁹ M. Scriven. Truisms as the Grounds for Historical Explanations. В кн.: Theories of History, p. 467.

дивидуальным событием, чем статистическое объяснение. Ибо, хотя рациональное объяснение и не показывает, что некоторое действие *должно было произойти*, тем не менее оно может показать, что это конкретное действие *следовало осуществить*. Я говорю «может», так как я не считаю, что затруднение, связанное с пониманием некоторого действия,— это затруднение, которое заставляет нас спрашивать, почему некое лицо сделало то-то и то-то; оно всегда может быть выражено в форме вопроса: «Почему он должен это сделать?», даже если мы при этом берем слово «должен» в нормативном смысле. Подчас все, что мы хотим знать, требуя объяснения некоторого поступка,— это только то, почему могло показаться рациональным или «правильным» совершить именно этот поступок. Здесь *внутри* класса рациональных объяснений возникает различие, аналогичное различию дедуктивного и индуктивного подходов к модели объяснения с помощью охватывающих законов. Однако, когда мы спрашиваем, почему некоторое действие следовало осуществить, то на этот вопрос часто можно дать ответ, прямо относящийся к данному случаю, ответ, логически исключающий все иные возможные альтернативы. Это недостижимо при использовании статистических законов в объяснении.

Третью модификацию объяснения с помощью охватывающих законов предложил сам профессор Скрайвен²⁰. Предложение Скрайвена основано на учете двух уже отмеченных трудностей: 1) на том факте, что универсальные законы, применяемые при построении исторических объяснений, большей частью оказываются весьма недостоверными, и 2) на том, что простые статистические законы, не показывая необходимости возникновения объясняемого события, не могут объяснить и того, почему произошло именно это событие, а не какое-либо иное. Основная идея предложения Скрайвена состоит в том, что он связывает доказательную силу исторического объяснения с наличием в его составе некоторого общего утверждения, по своему типу не являющегося ни универсальным, ни статистическим законом²¹.

Так, если мы спрашиваем, почему Вильгельм Завоеватель не вторгся в Шотландию, то, используя упрощенную

²⁰ M. Scriven. Op. cit., p. 464 ff.

²¹ Ibid., p. 464.

форму одного из примеров Скрайвена, отвечаем: потому что ему не нужны были новые земли. Объяснение данного типа основывается на некотором трюизме: «государи обычно не вторгаются на соседние территории, если они удовлетворены тем, что они имеют». Такое обобщение, подчеркивает Скрайвен, не исключает возможности возникновения случаев противоположного рода; тем не менее оно утверждает нечто большее, чем относительную редкость исключений из этого правила, как было бы в случае со статистическим обобщением. Данное утверждение является более сильным по сравнению со статистическим, так как им определяется некоторый нормативный, стандартный случай и противоречащие ему факты были бы странным исключением. Скрайвен называет такие обобщения «нормативными». Они позволяют нам *дедуцировать* с логической необходимостью возникновение объясняемого явления при условии, что мы не сталкиваемся с какими-либо необычными обстоятельствами. Их особый смысл, говорит Скрайвен, передается через целый ряд нормативных «модификаторов», выражаемых словами: «обычно», «в типичном случае», «естественно», «соответственно», «при нормальных условиях». **Логика** этих выражений, по мнению Скрайвена, существенно отличается от логики таких выражений, как «все», «большинство», «некоторые». Однако он предостерегает нас от того, чтобы мы приписали любое утверждение общего характера, содержащее эти модификаторы, за нормативное. В равной мере отсутствие данных модификаторов не означает, что обобщение не имеет нормативного значения. Правильное определение их природы зачастую требует внимательного анализа контекста.

Естественно, что основная трудность, с которой мы сталкиваемся при анализе подобных обобщений, состоит в точном определении того, какие «необычные обстоятельства» исключают возможность их применения. Точно так же необходимо провести не только обоснованное в логическом отношении, но и вполне понятное разграничение между фактами, противоречащими нормативным обобщениям, для того чтобы установить, какие из этих фактов их опровергают и какие не опровергают. Ибо Скрайвен не отрицает, что эти «нормы» являются эмпирическими утверждениями и что поэтому должна существовать принципиальная возможность их опровержения. Нам предста-

вляется, однако, что внимательный анализ приводит к разделению этих нормативных утверждений на две группы, уже известные нам из предшествующего изложения. Либо они оказываются обычными универсальными или статистическими законами, либо тем, что может быть названо принципом действия исторического деятеля, которым мы пользуемся в рациональных объяснениях.

С точки зрения Скрайвена, восприимчивый и искусный исследователь, работающий в какой-либо области знания (безразлично, будет ли это история или медицина), знает, как обращаться с нормативными обобщениями. Он знает, как и когда ими пользоваться, несмотря на то, что он не мог бы предусмотреть все особые обстоятельства, исключаящие их применение в научном объяснении. «Цепь исключений,— указывает Скрайвен,— сложна, но познаваема»²². В этой связи он обращает большое внимание на исследовательские навыки и тренированность мышления историка. Может быть, он и прав, считая, что невозможно дать адекватный анализ природы исторического объяснения без обращения к этой стороне дела. Но даже если мы и согласимся со Скрайвеном, что цепь исключений может быть познана и без ее предварительного выявления, то все же остается непонятным, какими логическими преимуществами отличалось бы в этом случае нормативное обобщение по сравнению с универсальными или статистическими законами. Более того, проблема, собственно, и заключалась бы в том, чтобы показать, чем вообще эти нормативные утверждения отличались бы от последних.

Однако в том, что Скрайвен говорит о «нормоопределяющей» функции таких обобщений и об их зависимости от оценок историка, имеются некоторые указания, позволяющие нам сделать вывод, что он приписывает им особый логический характер, не считая их непосредственно эмпирическими. Достоин внимания, например, то, что, приводя весьма разнообразный список утверждений, которые могли бы быть интерпретированы нормативным образом, Скрайвен включает в их число «правила, определения и некоторые нормативные утверждения в этике» (хотя при этом он довольно загадочно относит последние к числу норм, действующих в «других областях») ²³. Как нам кажется,

²² Ысл., р. 466.

²³ Ыё., р. 464.

объясняющая роль утверждений типа «государя обычно не вторгаются на чужие территории, если они удовлетворены тем, что они имеют» может быть вполне логично выведена из того, что они устанавливают некоторую «норму», напоминающую нам о том, что разумно делать, и тем самым о том, что люди действительно делают, за *исключением* случаев, когда они поступают глупо, невежественно, произвольно и т. д. Объясняющая функция данного конкретного нормативного утверждения, при подобном его истолковании, состояла бы в выявлении основного мотива того, почему Вильгельм не вторгся в Шотландию. А это отождествило бы объяснение последнего рода с «рациональным» объяснением, описанным нами.

Четвертую и столь же интересную попытку предоставить в наше распоряжение более достоверный тип объясняющего закона для исторических явлений предприняли профессоры Н. Регаер, Джойнт и О. Хельмер²⁴. Согласно этим авторам, хотя историки и пользуются довольно часто законами других наук, естественных и общественных (главным образом для того, чтобы определить «границные условия» исторического действия), они также и сами делают обобщения, имеющие логически отличный от первых характер. В процессе собственных исследований, утверждают они, историк формулирует не общие законы, а ограниченные пространственно-временными пределами обобщения. Примером их могли бы служить следующие утверждения: «Офицеры флота в дореволюционной Франции назначались только из дворянского сословия» или «Еретики преследовались в Испании XVII столетия»²⁵. Особый интерес подобным обобщениям в контексте настоящего доклада придает их связь с одним характерным возражением историков против первоначальной версии теории охватывающих законов. Это возражение состоит в том, что принятие универсальных законов вынудило бы историка делать необоснованные утверждения относительно

²⁴ N. Rescher and O. Helmer. On the Epistemology of the Inexact Sciences. *Management Science*, October 1959, p. 25–40; N. Rescher and C. B. Joynt. On Explanation in History. *Mind*, 1959, p. 383–387; N. Rescher and G. B. Joynt. The Problem of Uniqueness in History.—"History and Theory", 1, 2 (1961), p. 150–162.

²⁵ N. Rescher and O. Helmer. On the Epistemology of the Inexact Sciences. *Management Science*, October 1959, p. 27, 29.

но неисследованных областей исторического пространства и времени. Объяснения же, основанные на *ограниченных* обобщениях, использовали бы только тот род общих знаний, на который и может претендовать историк, а именно «знание периода».

К этому еще можно было бы прибавить, что, по Решеру, большинство ограниченных обобщений, используемых историками, неопределенны в том смысле, что они допускают небольшое количество случаев, противоречащих этому обобщению, внутри области исторических явлений, в которой их применение является вполне закономерным. Это признание не ставит перед Решером никаких особых проблем, так как в его теории статистические законы и вероятные гипотезы могут также участвовать в объяснении исторических событий. Действительно важным моментом его точки зрения оказывается, однако, утверждение, согласно которому такие «ограниченные обобщения» могли бы быть абсолютно общими, не допускающими никаких исключений внутри определенной области их применения, и, следовательно, не являясь универсальными в строгом смысле, они тем не менее делали бы возможным *дедуктивное* объяснение при некоторых благоприятных условиях.

Рассматривая точку зрения этих авторов как нечто новое по сравнению со взглядами, рассмотренными в данном докладе, мы бы хотели поэтому сконцентрировать наше внимание на их концепции ограниченных обобщений, не имеющих статистического характера.

На основании хорошо известных примеров можно было бы считать эти обобщения обобщениями *полной индукции*. Объяснения, даваемые с их помощью, по своей форме были бы тогда совершенно аналогичны объяснению того факта, что из сумки вынут красный шар, когда заранее известно, что в нее только красные шары и были положены. Вряд ли можно отрицать, что, пользуясь информацией такого рода, мы бы объяснили данный факт, хотя и можно сомневаться в ценности подобных объяснений для исторических исследований. Во всяком случае, можно было бы утверждать, что объяснение данного типа имело бы большую силу, чем объяснение с помощью статистических законов. Несомненно также и то, что такие суммарные обобщения полноиндуктивного типа имеют место в исторической науке. Например: «Все составы парламен-

тов в период реформации в Англии были специально подобраны» — высказывание, которое утверждается на основе независимого исследования каждого из этих парламентов. Однако наши авторы совершенно недвусмысленно отвергают подобную интерпретацию ограниченных обобщений. Ибо, по их утверждению, обобщения такого рода относятся к неисследованным случаям так же, как и к исследованным, и в определенной мере независимы от фактов. Они могут быть применены не только к известным, но и к неизвестным французским морским офицерам и испанским еретикам, равно как и к тем из них, чье существование оказывается простой логической возможностью.

Но если мы спросим, каковы логические основания достоверности обобщений этого типа, то, как и в случае с нормами Скрайвепа, они превращаются в нечто более знакомое для нас (хотя, может быть, и не всегда ясно, почему так происходит). Особенно наглядно это обнаруживается при рассмотрении одного часто употребляемого примера (который, к сожалению, сам по себе не является примером объяснения действия) — при объяснении поражения Впльнева в Трафальгарском бою. Это объяснение частично основывается на следующем утверждении: «В морских сражениях 1653—1805 годов большие флотские соединения были слишком громоздки и поэтому не могли эффективно управляться»²⁶. Нам говорят, что мы можем положиться на это обобщение, так как мы знаем состояние управления кораблями в XVIII веке, а наше знание последнего подкрепляет простое индуктивное обобщение опыта морских сражений, показывая, почему выявленная закономерность имела место в указанное время. Отсюда в лице ограниченного обобщения мы на самом деле имеем некоторую «переходную закономерность», которая сама подлежит объяснению с помощью универсальных законов, взятых в конъюнкции с местными условиями. Ключом к оценке логической доктрины Решера, Джойнта и Хельмера являются следующие вопросы: сохранит ли ограниченное обобщение свою объясняющую силу и в том случае, если нельзя будет найти его логическую связь с универсальными законами; всегда ли мы нуждаемся в знании этих законов при определении пространственно-

²⁶ Ibid., p. 28.

временных пределов некоторого ограниченного обобщения? Сделать уступку и в том и в другом отношении означало бы удовлетворить все требования сторонников первоначальной версии теории объяснения с помощью охватывающих законов. И насколько мы можем судить, наши авторы делают эти уступки. Единственное, что их настаивает, как это было и в случае с нормами, так это только недостаточная определенность наших знаний о законах, на которые опираются ограниченные обобщения. Имеется лишь «смутное знание закономерностей, лежащих в их основе»²⁷.

Пятая предложенная модификация доктрины охватывающих законов пытается устранить сопротивление историков включению универсальных законов в структуру исторического объяснения тем, что она еще больше ограничивает приписываемое им значение. Выдвигается предложение, согласно которому при объяснении индивидуальных человеческих поступков связь между объясняемым действием, мотивами и представлениями личности, объясняющими его, обеспечивалась с помощью общего утверждения, имеющего всего лишь «законообразную форму». Причем оно должно быть сформулировано таким образом, чтобы оно относилось только к кругу действий некоторой *конкретной личности*. Эта доктрина вошла в современную дискуссию по философии истории в связи с анализом психологической предрасположенности, содержащимся в книге профессора Райла «Понятие сознания». Райл использует данное понятие в своей теории объяснения. Он указывает, что утверждения о предрасположенностях некоторого лица (например, такие утверждения о характерологических особенностях, как «Дизраэли был честолюбив») являются «законоподобными», поскольку они позволяют выразить себя в форме единичного гипотетического высказывания. Приведенное выше утверждение можно выразить следующим образом: «Если Дизраэли увидит возможность получить власть, он воспользуется ею». В отличие от истинных законов, однако, здесь не связываются *типы* мотивов и представлений (или личностей) с *типами* действий. Если бы утверждения этого рода обладали объясняющей силой, то они, как и обобщения Решера, являясь всего лишь ограниченно общими, общими только в

²⁷ Ibid., p. 38.

смысле предрасположенности, были бы особенно ценными в исторических исследованиях. Опасность обобщений, связанных с историческими личностями, давно уже стала общим местом. Историк должен, говорит Страусон, *знать своего героя*, что весьма существенно отличается, говоря словами того же Страусона, «от знания банальностей о человеке вообще»²⁸. Но знать кого-либо, по данной теории, означает выявить комплекс его предрасположенностей, который мы называем характером. В этом случае, как утверждается, мы смогли бы объяснить его поступки, показав, что они *характерны* для него.

Ясно, что утверждение о предрасположенностях некоторой личности само по себе не является законом. Но возникает вопрос, можем ли мы делать такие утверждения, не связывая себя с универсальными законами? Не являются ли эти утверждения всего лишь следствием данных законов? Райл считает их независимыми, более того, он утверждает, что даже при исследовании природы мы приходим к познанию некоторых характерных особенностей предметов *еще до* познания соответствующих общих законов. К сожалению, его известный пример подобран им очень неудачно и плохо иллюстрирует данное утверждение. Ибо, если бы я попытался объяснить, почему разбилось *это* оконное стекло при попадании в него камня, говоря, что оно было хрупким то трудно понять, каким образом мне это стало известно, допуская, что я ничего не знаю об общих свойствах стекла. В других же случаях, то есть когда предварительное выявление предрасположенностей объекта не требует его разрушения, утверждение Райла представляется вполне правдоподобным. Аналогичным образом мы можем установить, что некоторое лицо предрасположено вести себя определенным способом, наблюдая за его поведением при соответствующих обстоятельствах.

Доказывается, однако, что *человеческие* предрасположенности обладают одной логической особенностью, которая ставит под сомнение возможность их познания вне познания общих законов. Вводя логическую модель объяснения, основывающуюся на предрасположенностях исторических деятелей, Гардинер широко использовал собст-

²⁸ См.: Ryle. Op. cit., p. 268. (Здесь у автора ошибка. См.: P. F. Strawson. Op. cit.)

венное признание Райла относительно слабостей в предсказаниях действий, когда эти предсказания осуществляются на основании знания характерологических особенностей людей. Райл затрагивает этот вопрос, говоря, что человеческие предрасположенности скорее определяются, чем определяют; обычно существует значительное количество способов проявления этих предрасположенностей, альтернативных по своему характеру, и наше знание их отнюдь не значило бы, что мы в состоянии предсказать поведение человека. Профессор Дж. Коген считает, что эта сложность человеческих предрасположений может заставить историка обратиться к универсальным законам²⁹. Мысль Когена состоит в следующем: если утверждение «Дизраэли был честолюбив» не позволяет нам предвидеть какое-то специфическое проявление его честолюбия, уже отмечавшееся в его прошлом поведении, но просто заставляет нас ожидать от него той или иной из множества возможных и альтернативных реакций, и если мы собираемся построить наше объяснение выступления Дизраэли против Пила в 1847 году на признании факта его честолюбия, то для придания нашему выводу достоверности мы нуждаемся в каком-то более сильном логическом основании, чем то, что Дизраэли вел себя хотя и честолюбиво, но по-иному в прошлом. Мы должны были бы знать также и то, что честолюбие предрасполагает его и к совершению данного поступка. Коген полагает поэтому, что историк, давая подобное объяснение, фактически принимает некоторый универсальный закон, по которому личность, предрасположенная к честолюбивым поступкам определенного рода, будет совершать и честолюбивые поступки другого рода. Данная концепция, необходимо отметить, не рассматривает то, что *утверждается* о предрасположенности Дизраэли в качестве универсального закона, более того — в ней не говорится, что это наше утверждение основано только на наблюдении его поведения в прошлом (при условии, что он уже совершил достаточное количество честолюбивых поступков). Однако она ясно показывает, что использование утверждений подобного рода в исторических объяснениях, как правило, связано с принятием некоторых универсальных законов.

²⁹ J. Cohen. Op. cit.

И, наконец, мы рассмотрим шестую модификацию модели охватывающих законов, предложенную некоторыми философами. Профессор Ч. Френкель принимает вывод Гемпеля, согласно которому неполнота объяснений, предлагаемых историками, часто ответственна за расхождение логической структуры этих объяснений со строгой формой модели охватывающих законов. Но Френкель находит п второй вид отклонений, который не связан с предполагаемой незавершенностью логической работы историка. Исторические объяснения, утверждает он, могут не иметь дедуктивного характера (поэтому оказываются не в состоянии предсказывать события), так как они устанавливают только некоторые *необходимые* или *существенные*, но недостаточные условия возникновения события. Это имеет место и в других областях знания, добавляет он, но там «определение достаточных условий всегда остается идеалом объяснения». В истории же, напротив, дело часто обстоит таким образом, что определение некоторых необходимых условий события, «по-видимому, вполне удовлетворяет нашу потребность в объяснении»³⁰. Согласно Френкелю, характеристика необходимых условий, и особенно если речь идет о процессе, его необходимых стадий,— «одно из устойчивых и принятых значений термина «объяснять»; отсюда было бы неправильно рассматривать такие объяснения как неполные в буквальном значении этого слова, как простой «эскиз объяснения». Мы должны понять, «что не все удовлетворительные в логическом отношении объяснения предоставляют в наше распоряжение информацию одного и того же типа и что не все наши потребности в объяснении чего-либо могут быть удовлетворены ответами одного п того же рода».

Объяснение, раскрывающее необходимые или существенные условия какого-нибудь явления, не стремится к тому, чтобы *экспланандум* следовал с логической необходимостью из *экспланантов*. Тем не менее, продолжает Френкель, «оно в той же мере, как и полное дедуктивное объяснение, основывается на молчаливо принимаемых или же явно сформулированных обобщениях. Иначе мы не смогли бы различить простую последовательность событий

³⁰ Ch. Frankel. Explanation and Interpretation in History. В Kii.: Theories of History, p. 412.

и ряд событий взаимосвязанных. Ибо только используя некоторое общее положение, согласно которому события данного типа имеют место исключительно в связи с событиями другого типа, мы оказываемся в состоянии связать определенное значение с термином «исторический процесс»».

В своем общем анализе *генетического* объяснения профессор В. Галли утверждает почти то же самое. Если, указывает он, историк объясняет быстрое развитие христианства тем, что оно использовало еврейскую синагогу как трибуну для вербовки своих сторонников, то он отнюдь не обязан утверждать, что это обстоятельство сделало быстрый рост христианства необходимым или вероятным. Подлинная ценность подобного объяснения заключается, скорее, в том, что оно показывает нам, каким образом христианство реализовало свои возможности. Примером объяснения такого же рода, взятым из повседневной жизни, могло бы послужить объяснение сердитого ответа некоего человека колкостью, сказанной в его адрес. И в данном случае мы не утверждаем, что этот сердитый ответ был необходим или что его можно было предвидеть. Скорее, мы говорим, что *если бы* не эта колкость, то «его ответ был бы непонятным, так как ему бы недоставало соответствующего исторического контекста»³¹.

Профессора Галли критиковали за сделанное им предположение, что наше знание о необходимых условиях события является логически независимым от знания его достаточных условий. Критике подвергалось и второе предположение Галли, тесно связанное с первым. Оно заключается в том, что мы можем дать вполне достоверное объяснение генетического типа и без расширения его за счет предшествующих условий и законов, которые в конечном итоге превратили бы его в объяснение с помощью охватывающих законов, объяснение дедуктивного характера³². В связи с этой критикой я не могу понять, почему мы должны отрицать, что эмпирическим путем вполне возможно установить законы, имеющие форму «только если имеет место то-то и то-то, мы обнаруживаем то-то

³¹ W. B. Gallie. Explanation in History and the Genetic Sciences. В кн.: Theories of History, p. 387.

³² A. Montefiore, Professor Gallie on "Necessary and Sufficient" Conditions. — "Mind", October 1956, p. 534 ff.

а то-то», которые могли бы сделать утверждение о необходимом условии конкретного события вполне достоверным. Я не вижу и ничего спорного в том, что в ряде случаев знание необходимых условий вполне достаточно для объяснения. Это, по-видимому, особенно верно в том случае, если затруднение в понимании какого-нибудь события, вызывающего потребность объяснения, выражается наиболее естественным образом в виде вопроса: «Как вообще такое могло случиться?» Уже сама форма вопроса показывает, что при первой оценке события мы не видим, что здесь были бы выполнены необходимые условия для возникновения событий этого рода.

Наши замечания к вышеизложенному ограничиваются следующим. Рациональная модель объяснения *действий*, предложенная нами, не требует ни того, чтобы мотивы или убеждения исторического деятеля возводились бы в ранг необходимых условий действия с помощью некоторого закона, ни того, чтобы им придавали значение достаточных условий. Для объяснения поступка вполне достаточно, чтобы мотивы, лежащие в его основе, были *рационально* необходимым условием, то есть объяснение нашего типа должно показать, что без этого условия у исторического деятеля не было бы оснований сделать то, что он сделал. Но это не означает утверждения необходимой связи этих мотивов с данным действием, так как мы не требуем от нашего объяснения доказательства, что этот деятель *не мог* действовать так, как он действовал, не имея этих мотивов. Если же, как уже было нами показано, мы установим, что некоторый деятель *должен* был сделать то, что он сделал, на том основании, что у него не было никакого иного разумного выбора, то тем самым мы отнюдь не утверждаем, что его поступок можно было предсказать, исходя из знания достаточного условия этого поступка. Точно так же, используя приведенный нами пример, если мы покажем, что колкость дала основание для резкого ответа, то мы тем самым не утверждаем, что ее можно было бы вывести *ретроспективно* из самого факта этого ответа. Таким образом, предложенное ослабление модели охватывающих законов, ставящее своей целью оправдание применения так называемых «законов необходимого условия», все еще недостаточно радикально для того, чтобы охватить все существующие формы рационального объяснения дейст-

вий. Но и оно в меру своих возможностей показывает действительно слабые места гемпелевской модели, взятой в ее строгой форме.

IV

Рассмотрением теорий Френкеля и Галли мы завершили наш краткий обзор некоторых из наиболее важных предложений, связанных с видоизменением теории охватывающих законов. Все эти предложения в известной мере представляют собой уступку логической теории реальным аспектам исторического знания. Как мы уже видели, эти уступки имеют различный характер в логическом отношении; некоторые из них выглядят более обоснованно в сравнении с другими. Однако можно было бы отметить, что, хотя различные отклонения от того, что может быть названо первоначальной концепцией охватывающего закона, были представлены нами в качестве *альтернативных*, они не являются (не имея при этом в виду, может быть, только статистическое и нормативное обобщение) *исключающими* друг друга альтернативами. В самом деле, как мы уже указывали, некоторые из рассмотренных нами авторов считают объясняющие законы в истории страдающими от двух и более «недостатков» одновременно. К этому можно было бы прибавить, что человек, признавший правомерность каждого из видоизменений в отдельности, мог бы попытаться соединить их в единое целое: можно было бы себе представить объясняющий закон, который бы приближался к идеальному во всех шести отношениях одновременно. Он мог бы *расплывчато* утверждать, что убеждения, цели и действия определенной *личности нормативно* связаны в определенной *пропорции* случаев, в ограниченной географической области и в течение некоторого ограниченного *периода*, причем эта связь выражается в том, что, *не будь* у этого человека данных убеждений и целей, указанные действия не были бы осуществлены.

Философа, готового принять столь максимально модифицированный «закон» в качестве закона, удовлетворяющего всем требованиям, предъявляемым к обобщению в историческом объяснении, нельзя было бы обвинить в отрыве теории от практики. И очень может быть, что при достаточном накоплении модификаций такого

рода традиционное сопротивление историков явному или скрытому включению законов в состав объяснения конкретного события было бы полностью преодолено. В конечном счете, после всех этих преобразований объясняющий закон мог бы выглядеть совершенно безобидным. Тем не менее и по причинам, о которых я уже говорил в первой части своего доклада, утверждение, что закон, даже если он и будет абсолютно безобидным, может придать силу типичному объяснению действия в истории, представляется мне ошибочным. Указывать, что непонятный для нас поступок подпадает под действие закона любого рода, даже если последнее является верным, значило бы привлекать к типичному историческому объяснению понятия и логические отношения, не имеющие ничего общего с подлинной историографией.

Завершая доклад, мы пытаемся наметить связь изложенной в нем концепции с более широкими философскими проблемами. Здесь прежде всего нам хотелось бы затронуть два вопроса. Во-первых, вопрос об отношении рациональной модели объяснения к философскому учению о свободе воли. Во-вторых, вопрос о связи нашей теории рационального объяснения с определенным подходом к природе и цели исторического исследования.

Позвольте мне прежде всего открыто признать, что я действительно являюсь сторонником учения о свободе воли. Я полагаю, что рациональная модель объяснения имеет особое значение для всех приверженцев этого учения. Ее значение основывается на том, что она показывает нам такой способ исторического объяснения, который оказывается логически *совместимым* с учением об индетерминизме человеческих поступков. Мы часто сталкиваемся с утверждением о несовместимости признания действия человека за свободное и вместе с тем за объяснимое. Но если мы правы, то это утверждение справедливо только для объяснения при помощи модели охватывающих законов, устанавливающей необходимую связь между действием и объясняющими его условиями.

Высказывая это положение, нам бы хотелось со всей определенностью подчеркнуть, что мы отнюдь *не обуславливаем* принятие рациональной модели объяснения предварительным принятием учения о свободе воли. Основываясь на самих понятиях, мы доказываем, что как в исторической науке, так и в повседневной жизни ши-

роко пользуются таким значением термина «объяснить», которое не ведет к признанию детерминизма. Точно так же хотелось бы подчеркнуть, что мы отнюдь не обосновываем правильность философского индетерминизма самим фактом возможности рационального объяснения поступка. Ибо мы не считаем, как, по-видимому, это делает профессор Винч³³, что рациональное объяснение исключает объяснение с помощью охватывающих законов, что рациональное объяснение с необходимостью ведет к *индетерминизму*. Я не считаю даже, что мы должны согласиться с точкой зрения профессора Донагана, согласно которой рациональное объяснение имеет смысл лишь постольку, поскольку мы не можем дать объяснение, использующее охватывающие законы³⁴. Нам представляется, что эти два типа объяснения лучше всего относить к двум различным логическим и концептуальным структурам, каждая из которых решает специфические для нее проблемы.

Мы полагаем, что указанная нами совместимость рационального объяснения с учением о свободе воли может явиться для некоторых философов истории вполне достаточным аргументом для того, чтобы подчеркивать концептуальное различие между объяснением этого типа и всеми формами объяснения, построенными на основе модели охватывающих законов. Однако имеется также некоторое основание для принятия рациональной модели и для убеждения, что она *должна* действовать в историческом исследовании, которое могло бы привлечь и сторонников детерминизма. Последнее утверждение вызвало бы критику со стороны всех тех философов, которые, принимая тезис о совместимости рационального объяснения с учением о свободе воли, вместе с тем недовольны логической формой этого объяснения. Так как, утверждают они, объяснения логически «компактные», безусловно, превосходят объяснения «рыхлые», какова бы ни была причина этой рыхлости, то, совершенно очевидно, необходимо предпочесть объяснения с помощью охватывающих законов во всех тех случаях, когда их возможно дать. Отсюда, с их точки зрения, вполне правомерно рассчитывать, что «ущербная» модель рационального объяснения в истори-

P. Winch. Op. cit., pp. 72, 93—94.

A. Donagan. Explanation in History.—"Mind", 1957, p. 153.

ческой науке будет постепенно заменена на нечто лучшее. Я бы хотел показать, что, даже допуская возможность объяснения всех исторических явлений с помощью охватывающих законов, рациональное объяснение поступков исторических деятелей все еще сохраняло бы свое значение и ценность.

Основанием этого моего убеждения является ответ, который, с нашей точки зрения, следовало бы дать на следующий вопрос: «Для чего изучается история?» Безусловно, одной из причин изучения истории людьми оказывается надежда, что таким путем они приобретут знания о прошлой деятельности человечества, которые позволят им разрешить их современные проблемы. И, как и в случае с изучением природы, часто весьма полезно иметь возможность объяснять и предсказывать исторические явления, пользуясь моделью охватывающих законов. Как неоднократно и весьма красноречиво говорил об этом профессор Донаган, возможность успешного проведения исторических исследований такого рода все еще остается под вопросом. Но он безусловно прав, утверждая, что было бы глупо отбросить «антиномические» социальные исследования, которые развивались в течение столетий, на основании простой надежды получить когда-либо нечто лучшее³⁵. Нам бы хотелось несколько развить эту точку зрения. Ибо нам представляется, что даже если бы «наука»история, использующая объяснение с помощью охватывающих законов, была бы уже хорошо развитой, то и тогда бы не было никаких оснований отбрасывать исследования, дающие только недедуктивные, рациональные объяснения, и, более того, были бы все основания для продолжения этих исследований наряду с исследованиями другого типа.

Изучать историю, как и все остальное, нас заставляет простое человеческое любопытство: интерес к выявлению и мысленной реконструкции жизни людей в других местах и в другие периоды. Для того чтобы выявить и понять их жизнь, было бы недостаточным уметь упорядочивать, предсказывать или восстанавливать их действия. Необходимо было бы также уметь применять к ним понятия и категории *практики*. Необходимо было бы, как это сказал бы

³⁵ A. Donagan. Social Science and Historical Antinomianism.— "Revue internationale de Philosophie", 1957, p. 448—449.

Коллингвуд*, подойти к ним *изнутри*. Даже если мы и не придерживаемся теории свободной воли, мы сами — действующие существа и других считаем себе подобными. И даже допуская, что объяснение с помощью охватывающих законов возможно и полезно в ряде отношений, мы все же хотели бы расширить наше понимание и оценку человеческой жизни *с точки зрения деятельности*. Девиз: «История позволяет нам пережить чужую жизнь», как и все девизы, схватывает только одну сторону истины. Но это — сторона истины, и причем та, которую склонны забывать теоретики охватывающих законов. Мы должны всегда помнить, что история не только (возможно) ветвь социологии, но что она и ветвь (на самом деле) гуманитарных наук. И мое главное возражение против доктрины охватывающих законов в истории основывается не на трудностях, возникающих при ее практическом применении, безотносительно к тому, имеем ли мы дело со строгой или видоизмененной формой доктрины. Мы возражаем против этой доктрины скорее потому, что она устанавливает своего рода *концептуальный барьер* для гуманистической ориентации историографии.

* Здесь и далее звездочками обозначены прилагаемые в конце сборника комментарии переводчика и составителя.